

А я леплю горбатого

Автор:

Светлана Алешина

А я леплю горбатого

Светлана Алешина

Папарацци

Что могло послужить причиной внезапной смерти молодого, полного сил депутата областной думы Геннадия Владимирцева? Конечно, должность, которую он занимал... Геннадий распределял финансовые средства между регионами и слыл человеком порядочным и честным. Именно у такого мужчины хотела взять интервью журналистка Ольга Бойкова. И теперь, вместо подготовки интервью, она со всей своей страстью к криминальным расследованиям докапывается до истинной причины гибели красавца-депутата...

Светлана Алешина

А я леплю горбатого

Глава 1

Как и в любой нормальной организации, после новогодних праздников у нас в редакции царили тишина и спокойствие. Единственное отличие – мы эту благодать обычно называем скукой смертной и тоской зеленой. Честно говоря, есть за что: не для того же создается газета, чтобы сотрудники протирали штаны, сидя за компьютерными играми, или зевали, глядя в потолок.

«Хорошо еще, что не все так мучаются, – пробовала я утешать себя. – Сергей Иванович на сегодня отпросился, Виктор еще из Тольятти не приехал от родственников. Правда, еще Мариночка в одиночестве томится...» Чтобы хоть как-то развеять свое одиночество и поднять настроение, я полчаса аккуратно вырезала и склеивала бумажные колечки.

Вообще-то у нас еще с прошлого года стояла довольно приличная елочка, кругом были развешаны разноцветные гирлянды и фонарики, и других украшений нашему офису вроде бы не требовалось. Но я изводила бумагу вовсе не для этой цели – мне просто нравилось проверять действие законов науки.

Еще в детстве я прочитала об одном удивительном ученом, который страдал той же ерундой, что и я сейчас. Так вот, после некоторых мучений он даже вывел свой закон, получивший его имя. Нет, я вовсе не Ньютона имею в виду и даже не Паскаля, меня заинтриговал закон Мебиуса.

Этот дяденька брал бумажные ленты и перекручивал их один или несколько раз, а потом вдруг взял и додумался: если такую ленточку склеить в кольцо, совершенно замечательная вещь происходит – лента по всем параметрам получается односторонней. Да-да, если ее начать раскрашивать, то непременно вернешься на то же самое место, откуда начал, но колечко окажется раскрашенным целиком.

Очень интересное это наблюдение я решила взять на заметку и провести свой собственный эксперимент. Мне и правда интересно стало: вдруг великий ученый ошибся... Хм, и теперь, честно говоря, я страдала уже целый час, извела кучу бумаги, раскрашивая разноцветными маркерами десятки колец, но опровержения так и не получилось – как ни старайся, а лента, перекрученная один раз и склеенная в кольцо, односторонняя!

Я вздохнула и решила свои опыты прекратить, убедившись в совершенной бесполезности эксперимента и попыток внести свой неоценимый вклад в науку. «Интересно, а чем там секретарь Маринка занимается?» – подумала я, вспомнив о «работнике» нашей редакции. Смахнув с факса несуществующую пыль, я вышла из своего кабинета. Прикрыв дверь с солидной табличкой «Главный редактор. Бойкова О. Ю.», я остановилась, окидывая взглядом приемную.

Хм, моей секретарше неведома скука: она буквально в поте лица трудилась на благо родины, успевая одним глазом следить за кофеваркой, другим – смотреть в журнал, одновременно грызть какую-то сушку, подпиливать ногти и болтать по телефону. Кстати, именно этому беленькому аппарату с множеством кнопочек, единственному предмету интерьера во всей нашей редакции, не грозила участь запылиться и покрыться прахом времени – если нам не звонили клиенты, он находился в полноправном и единоличном владении Мариночки.

Видимо, почувствовав колебания воздуха или краем глаза заметив меня, она оторвалась от журнала и с любопытством оглянулась, не забывая время от времени, поддакивая, мычать что-то в телефонную трубку:

– Оль, я тебе нужна? – спросила она, с хрустом расправляясь с очередной сушкой.

Я и сама не поняла пока, что мне от нее надо, – просто надоело сидеть одной в пустом кабинете и мучиться от безделья. Похоже, у Марины были почти такие же проблемы. Правда, она вносила в них некоторое разнообразие своей диетой, на которую решила сесть, вообразив себя жирной коровой при параметрах «906090».

– Ты не знаешь, зачем мы с тобой сегодня вообще на работу пришли? – вопросом на вопрос ответила я, устраиваясь в одном из кресел, в лучшие времена служивших местом ожидания многочисленных посетителей.

Вопрос плавно перешел в разряд риторических, поскольку отвечать мне никто не собирался: Марина в недоумении уставилась на меня, перестав на минуту хрустеть, а потом невозмутимо протянула мне последний номер газеты «Свидетель», главным редактором которой я, собственно говоря, и являлась. Намек был ясен – общее дело не должно пострадать от нашего сегодняшнего настроения, можно было порадоваться хотя бы тому, что уже сделано.

Я пролистала наше последнее совместное творение и удовлетворенно вздохнула: разоблачение чиновника-взяточника было произведено милицией только благодаря непосредственному участию моих коллег-журналистов. Честно говоря, мы всегда стараемся помогать людям, которые приходят к нам в редакцию пожаловаться на произвол властей или найти справедливость. Конечно, искать преступников – задача нашей прославленной милиции, но мы по

мере сил и возможностей стараемся ей в этом помочь.

Виктор, наш фотокорреспондент, редко балующий нас даже звуками своего голоса, как-то пошутил, что нам давно пора на дверь рядом с табличкой «Редакция» поместить еще одну – «Детективное агентство». Но он, конечно, и сам понимает: для написания интересной или даже сенсационной статьи просто необходимо собрать определенное количество информации – на блюдечке с золотой каемочкой ее никто никогда нам не приносит. В лучшем случае некоторые клиенты подкидывают какие-то зацепки, но основную работу обычно приходится делать нам самим. В худшем – абсолютно все с самого начала делаем мы: и тему находим, и журналистское расследование проводим, и статью «по горячим следам» пишем.

Сейчас, после новогодних праздников, у жителей нашего города ничего особенного не происходило – Тарасов затих после бурной встречи очередного отрезка жизни, состоящего из трехсот шестидесяти пяти дней. Поэтому делиться с нами интересной информацией пока никто из них не собирался – телефон молчал с самого утра, а в дверь не ломались нетерпеливые посетители. «Наверное, все сидят по домам и смотрят телевизор. Или мучаются после недавнего обжорства», – усмехнулась я, глядя на Мариночку, аппетитно хрустящую сушками.

Прямо с утра она заявила, что садится на диету, но я в это не очень-то поверила. Во-первых, скоро возвращается из поездки Виктор, который наверняка привезет нам много вкусных подарков, а во-вторых, завтра Рождество, и я сильно сомневаюсь, что Мариночка откажется от гуся с яблоками в пользу засохшей корочки хлеба.

Но сбивать ее решительный настрой я пока не собиралась – пусть хоть сегодня порадует. Наконец она отвлеклась от своих мыслей, закрыла журнал и, промычав что-то невразумительное в трубку, освободила телефон. Вообще-то свои секретарские обязанности Марина всегда выполняет безукоризненно: ведет всю документацию, отвечает на звонки, назначает встречи и даже иногда помогает делать репортажи с места происшествий. Так что сегодня я даже не стала заострять внимание на этом слишком длинном «разговоре», который с Маринкиной стороны ограничивался лишь редким «угу».

– Олечка, я тут такой фасончик к Новому году присмотрела – просто класс! – Она наконец-то дожевала свою сушку, обратив свое внимание на меня и протянув

журнал.

– Какой Новый год? Сегодня уже шестое. – Я едва удержалась, чтобы не покрутить пальцем у виска, – по-моему, у Маринки резкий переход от обжорства к голоданию явно отразился на голове – крыша поехала.

– А по старому стилю? – удивилась она. – Мы же как раз соберемся вместе, надо обязательно отпраздновать.

– Вместе мы соберемся еще раньше, – спокойно напомнила я. – А праздновать, может быть, и нечего будет: если мы за эту неделю что-нибудь интересное не раскопаем, редакцию надо будет расформировывать.

Марина только махнула рукой, давно привыкнув к моим пессимистическим прогнозам, когда что-то не ладилось. Но если обычно я таким образом подхлестывала себя и коллектив к более энергичным действиям, то сейчас мне стало казаться, что при отсутствии всяких событий в нашем городе мы действительно рискуем остаться без работы: быть свидетелями совершенно обычных в Тарасове явлений типа ДТП или обвалившегося балкона – это не в наших правилах, мы хотим сенсаций и встрясок.

– Редакция газеты «Свидетель», – мгновенно отреагировала Марина на телефонный звонок, пока я с головой ушла в собственные умозаключения.

Не успела я испытать бурную радость от общения с потенциальным клиентом, как секретарша уже расплылась в довольной улыбке:

– Здравствуйте, Сергей Иванович!.. Да, скучаем. Конечно, она здесь. Оля, тебя Кряжимский спрашивает, – протянула она мне телефонную трубку.

– Добрый день, – тоскливо отозвалась я на бодрое приветствие коллеги, с первых же секунд поняв, что это именно он осчастливил нашу редакцию своим звонком. – Да, спасибо, и вас с Рождеством.

– Ольга Юрьевна, почему так печально? Неужели у нас совершенно нет работы? А у меня как раз есть идея...

Мое лицо просветлело: не зря все-таки наша газета имеет в штате собственного аналитика! Если я, по сути дела, являюсь мозговым центром нашей редакции, Мариночка отвечает за первое впечатление посетителей и всем своим внешним видом доказывает чистоту наших помыслов и красоту поступков, Виктор – олицетворение мужской силы и быстрого реагирования на любую жизненную ситуацию, то в лице Кряжимского мы не только обрели прекрасного журналиста, но и неистощимого генератора идей. Вот и сейчас он буквально за уши вытягивал нас с Мариночкой из сонного царства.

– Может быть, пока на нашем горизонте не маячат простые граждане с долгожданнами сенсациями и всякие убийцы, которых нам придется разоблачать, стоит заняться политической обстановкой в городе? – предложил Сергей Иванович. – Помните, Ольга Юрьевна, еще в середине декабря городская Дума сообщила о грядущих кадровых перестановках в аппарате? Кстати, и выборы депутатов в эту самую Думу предстоят буквально через месяц.

Ну, конечно, об этом я хорошо помнила, потому что прессой и делами в родном городе я интересуюсь не только по причине своего служебного положения. Только какое отношение это имеет к сенсациям, я пока не догадывалась.

– А что нам светит в этом направлении? – постаралась я спросить как можно спокойнее, припоминая все имеющиеся у нас сведения по этому вопросу. – Думаете, рядовым гражданам в начале года будут интересны дрызги в депутатских кругах? – засомневалась я. – Вот если бы за всем этим стояли реальные люди...

– Дело в том, что я познакомился с удивительной женщиной...

Ого! Это было что-то новенькое! Я едва не упала от неожиданности со стула: у секретарши Мариночки был один недостаток – она обращала внимание на любого красивого мужчину в радиусе десяти километров, но за нашим всегда спокойным и рассудительным Кряжимским я подобного внимания к противоположному полу раньше не замечала! «Что бы это значило?» – пробормотала я, беря себя в руки.

– Елена Николаевна работает в городской Думе и может помочь нам в написании статьи. Кстати, насчет сенсаций не беспокойтесь – уверен, что встречи с нашими депутатами преподнесут нам немало сюрпризов, – продолжил Сергей Иванович

как ни в чем не бывало.

– Хотите сказать: надо встретиться с некоторыми из них в самое ближайшее время? – заинтересовалась я.

– Да, конечно. Ведь и сами по себе интервью будут довольно интересными, а особенно – в освещении нашей газеты, – подтвердил мою догадку Кряжимский. – К тому же с кем попало эти люди даже разговаривать не станут, тем более сейчас Дума на рождественских каникулах, и депутаты отдыхают. Но Елена Николаевна обещает нам некоторую поддержку, так что неформальные встречи «без галстука» все-таки возможны. Ну как, попробуем?

Я для солидности изобразила некоторое замешательство и сделала небольшую паузу в разговоре. Но раздумывать над таким выгодным предложением даже не стоило – не каждый день думские депутаты соглашаются общаться с прессой, тем более не посвящают ее в грядущие кадровые перестановки аппарата. Да, с ними накануне выборов стоило пообщаться поближе – нашим читателям будут интересны их позиции в социальных и политических вопросах.

– Да, конечно, стоит заняться этим прямо сейчас, – ответила я, радуясь предоставленной возможности наконец-то выйти к людям и заняться любимым делом, ради которого, собственно говоря, я и возглавляю газету «Свидетель».

Ответственность за первичный сбор материала и подготовку репортажа ложится пока на наши с Мариной хрупкие плечи. Но роптать никто не думал: непосредственное общение с людьми всегда действует на организм гораздо лучше, чем телефонный разговор или рассматривание виртуальных картинок.

Записав координаты сразу нескольких депутатов, которые, по словам знакомой Кряжимского, претендовали на одно довольно выгодное место в Думе и согласились с нами пообщаться, я немедленно приступила к своим непосредственным обязанностям. Уже через несколько минут загадочная фамилия Каверина, на которую в случае затруднений разрешил сослаться Кряжимский, подействовала, и нам предоставилась возможность поговорить со всеми троими.

Но только два депутата согласились принять нас прямо сегодня. У одного нашего респондента, депутата Владимирцева, на вечер были запланированы

какие-то дела, но и двух собеседников для начала нам с Мариной хватило с лихвой.

– Представляешь, Кононов ждет нас уже через полчаса, а Игнатов – в три. Завтра в десять нас примет Владимирцев, – сообщила я изумленной Мариночке, которая горела желанием заняться чем-то полезным.

Это была несомненная удача, мы настроились на самое приятное времяпрепровождение в обществе умных мужчин, что особенно понравилось моей секретарше, и получение полезной информации, что прельщало во всей этой кутерьме меня.

– Поехали! – скомандовала я секретарше, которая уже успела выключить комп, проверить сигнализацию и накинуть шубу.

Вообще-то на славу Гагарина я ни в коей мере не претендовала и его девизом воспользовалась в совершенно конкретных, но далеких от космоса целях – просто нам с Мариной действительно предстояла автомобильная прогулка по родному Тарасову.

* * *

Да, Кряжимский и его неведомая и всемогущая знакомая по фамилии Каверина не подвели: у ворот великолепного особняка, занимаемого депутатом городской Думы Алексеем Владимировичем Кононовым, нас уже поджидал здоровенный охранник, с почестями проводивший нас во внутренние апартаменты. Честно говоря, я на такой прием совершенно не рассчитывала, поэтому поначалу даже растерялась. Зато Мариночка, не смущаясь, эффектно продефилировала по комнатам, успевая по пути оценить обстановочку.

– Смотри-смотри, – прошептала она, показывая куда-то в угол, – этот диванчик не меньше «штуки баксов» стоит, я такой в «Бельведере» недавно видела, – назвала она известный мебельный магазин нашего города.

Я слегка покосилась на диванчик, но ничего особенного в этом микроскопическом подобии не увидела. Высокая и длинноногая секретарша Оксана через анфиладу комнат проводила нас в рабочий кабинет своего шефа,

ни на минуту не переставая щебетать о погоде. «Видимо, хорошим манерам она училась по дурацким книжкам», – подумала я, благодаря бога, который послал мне Марину с несколько большим коэффициентом интеллекта.

Примерно за несколько метров до заветной двери я краем глаза заметила, что к нам приближается хозяин дома, знакомый всем жителям города по телевизионным интервью и газетным фотографиям.

– Добрый день, – улыбнулась я, как только он подошел на достаточно близкое расстояние. – Спасибо, что согласились нас принять...

Когда через полтора часа мы вышли из дома на улицу, кое-как отделавшись от провожаний назойливой Оксаны, моей радости не было предела.

– Марин, мы ж теперь с тобой такую статью сотворим – все просто обзавидуются! – размечталась я. – Только бы и два других потенциальных собеседника оказались такими же приятными в общении.

– Да уж, – неопределенно ответила секретарша, и я не стала больше развивать эту тему.

Мне с первого взгляда на этого высокого и красивого типа по некоторым критериям стало понятно, что сердце Мариночки тревожно забилось не зря. Видимо, Кононов успел привыкнуть не только к привилегированному положению депутата городской Думы, но и к восхищенным женским взглядам, поэтому очарованная Мариночка на него особого впечатления не произвела.

Честно говоря, лично у меня совершенно обыкновенная внешность Алексея Владимировича особого энтузиазма не вызвала по чисто психологическим причинам – не люблю волевые подбородки. Но моя секретарша в таких науках была несильна и целиком попала под его неотразимое мужское обаяние. Впрочем, к таким выкрутасам нашей Мариночки в редакции все давно привыкли, так что удивляться было нечему. К тому же нам сегодня предстояла еще одна встреча с молодым и интересным мужчиной, и у нее был шанс поменять симпатии.

– Оль, ну почему у всех нормальных руководителей такие гримзы-секретарши? – жалобно спросила Марина, как только мы отъехали от дома Кононова.

– Конечно, спасибо за комплимент, но на что это ты намекаешь? – усмехнулась я, покосившись на нее с самым зловещим видом.

Ее это так рассмешило, что она и думать забыла про Оксаночку, которая только мешала нам в течение всего разговора, а целиком переключилась на благодатную тему «я и она». Но мои мысли невольно возвращались к той самой высокой и длинноногой девице, которая имела честь называться секретарем и ближайшим помощником депутата Кононова. «Лицо интеллектом не обезображено», – вспомнила я свое первое впечатление об Оксане Рощиной. Кстати, дальнейшее наше общение не позволило мне ни на секунду усомниться в правильности моего вывода.

Видимо, умственные способности не входили в перечень качеств претенденток при приеме на данную работу. Впрочем, основного впечатления о самом Кононове это не испортило – несмотря на неуместные реплики Оксаны, которая вообще не имела никакого понятия о хороших манерах, он снабдил нас довольно подробной информацией о себе и своих конкурентах на место в Думе. Так что теперь у меня были совершенно конкретные вопросы к следующему респонденту.

* * *

К моему величайшему удивлению, у второго депутата Игнатова оказалась очень симпатичная и приятная в общении секретарша, производившая совершенно противоположное и очень благоприятное впечатление. «Не зря все-таки мы так дорожим нашей Мариночкой», – с облегчением подумала я, представляя, какое отношение со стороны обывателей грозило бы нашей редакции, если бы их встречала в приемной невоспитанная особа типа Оксаночки.

Вообще-то моя секретарша и здесь не отступила от своего амплуа и сразу «запала» на шефа – Виталия Александровича, зато и Ольга не вызвала у нее столь явной антипатии, как Оксана Рощина.

Кстати, отдавая должное ее профессионализму, Марина даже удержалась от вопросов по поводу вакантных мест в команде Игнатова. Вышколенная Ольга не вмешивалась в разговор, лишь иногда подстраховывая шефа и приводя математически точные данные социологических опросов, какие-то цифры и

показатели. Ничего нового и сенсационного мы с Мариной не узнали, но для качественного репортажа хватало и того, что Игнатов подтвердил уже полученные сведения.

Когда мы выпили по второй чашке кофе, а за окном опустились предвечерние сумерки, Виталий Александрович взглянул на часы. Естественно, мы без слов поняли намек и начали прощаться.

– Благодарю вас за интервью, – улыбнулась я, подавая руку. – Постараемся ничего не перевернуть, как это обычно происходит с журналистами.

– Ничуть не сомневаюсь в вашей порядочности, – тут же отмахнулся Игнатов. – Если вас прислала Каверина, я совершенно спокоен.

«Интересно, кто она такая? – не без усмешки ломала я голову уже по дороге в редакцию. – Просто всемогущая или, ко всему прочему, очаровала нашего неприступного Кряжимского?»

Марина, явно разочарованная, что все интересные и красивые мужчины давно заняты, сидела нахмурившись.

– Оль, ну, Кононова я понимаю – у него с этой Оксаночкой все о'кей. Но Игнатов на свою секретаршу даже не смотрит. Может, он...

– Он благополучно женат, – чуть ли не по слогам сказала я, чтобы сразу отрезвить Мариночку и развеять ее иллюзии.

Она тяжело вздохнула и больше за время пути не произнесла ни слова. Зато я получила прекрасную возможность хорошо обдумать ситуацию: «Интересно, почему один из кандидатов в депутаты предпочитает иметь в своем предвыборном штате красивую секретаршу, а второй – умную?» Вопреки всему прочему, Ольга Карпова была еще и внешне очень милой, что доставило дополнительное огорчение Мариночке.

Зато я просто ликовала: мы взяли два интервью, сделали несколько снимков и, если немного задержимся в редакции, успеем еще сегодня сделать набросок статьи. «А завтра встретимся еще с Владимирцевым и добавим его

высказывания по поводу кадровых перестановок в Думе», – запланировала я на завтрашний день.

По приезде в офис я первым делом схватилась за телефон, чтобы еще раз уточнить время встречи с депутатом.

– Геннадий Георгиевич, это Бойкова, – сразу представилась я. – Ваши планы не изменились, завтра в десять?

– Конечно-конечно, – сразу ответил он. – Все остается в силе. Видите ли, я сейчас с друзьями встречаюсь, скорее всего вернусь поздно, так что раньше десяти принять вас не смогу, – извинился он. – Но завтра я буду ждать вас в своем офисе.

Заранее поблагодарив Владимирцева за сотрудничество, я положила трубку, предвкушая предстоящий разговор. Марину, похоже, постигло разочарование, и она впала в хандру. Пока я возилась со своими записями, она только вытаскивала пленку из фотоаппарата и написала записку Виктору, который, собственно говоря, и являлся нашим фотокорреспондентом. Уже завтра он должен был прийти в редакцию к девяти утра, так что секретарша сразу ставила его перед фактом – каникулы закончились, пора работать.

* * *

Конечно, для самых обычных жителей нашего города Рождество ассоциируется с выходным, но у журналистов порой не бывает этого праздника. Особенно если они намерены сделать хороший, интересный репортаж. Поэтому тешить себя надеждой подольше поваляться в постели я не стала и помчалась в ванную, как только будильник затрещал в семь утра.

Вообще-то особой надобности в такой спешке не было – «пробок» на дорогах не ожидалось, сотрудники появятся в офисе не раньше девяти... Но почему-то сидеть дома просто не хотелось, поэтому, даже не позавтракав, я помчалась на работу. По дороге забежав в супермаркет, я купила пару йогуртов, с большим трудом заставив себя отвернуться от колбасы и сыра – по примеру Маринки надо было хотя бы немного последить за фигурой и дать желудку отдохнуть от праздничных деликатесов.

– Все готово, – после приветственного жеста кивнул Виктор на кучу готовых фотографий, лежащих на его столе.

Честно говоря, его умению обходиться минимумом словарного запаса я редко удивлялась – зачастую он умудрялся передавать информацию только при помощи жестов. А вот поразительная работоспособность нашего фотокорреспондента меня всегда восхищала. Он и сегодня не разочаровал меня: пока я к восьми часам приехала в офис, Виктор уже сделал свою работу.

– Просто безобразие! – начала я изображать праведный гнев. – И здесь ты обскакал начальство! Как тебе не стыдно – не успел приехать и уже работаешь. Кстати, как в гостях?

Виктор во время моей тирады стоял с самым невозмутимым видом, а уже через пару секунд его лицо выражало примерно следующее: «Правильно говорят: женщины и логика – вещи несовместимые». Так и не проронив ни слова, он молча протянул мне красиво упакованную подарочную коробочку. Про то, что это был его подарок к Рождеству, мне объяснять не надо.

Даже не открывая, я догадалась, что там могут быть только мои любимые духи «Sonia Rikiel». Когда в половине девятого на рабочее место явились Кряжимский и Марина, их тоже ждали сюрпризы – футляр для очков и красивый французский шарфик. Наличие подарков автоматически перетекло в чаепитие, которым мы тихо и почти по-домашнему отпраздновали Рождество – тоже с сюрпризом Виктора – великолепным тортом-суфле. Но ровно в девять в нашем офисе уже царил рабочая атмосфера, пора было возвращаться к повседневным делам. Я осмелилась еще раз позвонить домой Владимирцеву и предупредить, что ровно в десять мы подъедем к его офису.

Целый час, оставшийся до встречи, мы пытались вытянуть из Виктора подробности его поездки, но, кроме лаконичных стандартных фраз, так ничего и не добились. Зато Кряжимский охотно рассказывал о чудесном знакомстве с Еленой Кавериной, благодаря которой мы стали вхожи в политические круги Тарасова.

– Знаете, Ольга Юрьевна, когда я узнал, что она занимает довольно высокий пост в нашей Думе – курирует дела молодежи и спорта, – я решил во что бы то ни стало взять у нее интервью. Конечно, начал спрашивать о предстоящих

кадровых перестановках и вообще вести разговор на темы, которые у всех на слуху, – горячился Сергей Иванович. – Только она – исключительно умная и проницательная женщина – посоветовала мне обратиться непосредственно к лицам заинтересованным, то есть к участникам конкурса на вакантное место.

Мы с восхищением смотрели на нашего сегодняшнего героя, а он, похоже, и сам до конца не понимал грандиозности своей затеи. «Если статья будет готова в самом ближайшем будущем, мы не только первые донесем до читателей наиболее верную информацию, но и наладим контакты с депутатами, – подумала я. – Кроме того, это повысит наш рейтинг среди других печатных изданий».

Как ни меркантильны были мои мысли, занимая пост главного редактора газеты «Свидетель», я просто обязана была думать и о многих формальностях, помогающих в реальной жизни не только держаться на плаву, но и обеспечивать хотя бы нескольких людей рабочими местами.

– Пора, – скомандовал Виктор в половине десятого и взялся за фотоаппарат.

– А как же я? – недовольно надулась Мариночка. – Значит, когда нет никого – и секретарша подойдет, а сейчас вы будете в гостях кофе пить, а я здесь буду со скуки помирать?

Честно говоря, я и сама понимала, что доля правды в ее словах все-таки есть, но должен же кто-то отвечать на звонки и принимать посетителей, если таковые вдруг объявятся!

– Я могу посидеть, – вдруг предложил Кряжимский, который очень часто прощал Марине ее неожиданные фортели, на которые мы с Виктором никогда не смотрели сквозь пальцы. – Все равно кофе поить нас никто не будет – встреча с депутатом назначена в его офисе. Тем более мне еще надо просмотреть собранные материалы, – добавил Сергей Иванович для пущей убедительности.

Чувствуя свой долг перед коллегами, я согласилась: и правда, не зря же Маринка вчера носилась с фотоаппаратом, выполняя, по сути дела, чужую работу, – сегодня она имеет полное право на отдых и... легкий флирт после вчерашних разочарований. Заранее говорить ей, что Владимирцев тоже женат, я не стала – незачем раньше времени расстраивать нашу непредсказуемую Мариночку!

Оставив Кряжимского за главного, мы втроем покинули редакцию в девять часов сорок минут. До офиса депутата Виктор мог бы нас домчать и за десять минут, но мы решили не форсировать события, а явиться к точно назначенному времени. Полюбовавшись по пути витринами Тарасова, декорированными к Рождеству и Новому году, мы доехали до улицы Чернышевского ровно в девять пятьдесят пять, чтобы дожидаться депутата уже на месте.

Я еще успела удивиться собственным мыслям: «Интересно, существует ли какая-нибудь психологическая концепция, определяющая тип руководителя по выбранной им секретарше? И как в свете этой теории выглядели бы Кононов с Оксаной и Игнатов с Ольгой?» Марина в это время на ходу подкрашивала губы и улыбалась в свое карманное зеркальце. «Нервничает, – заметила я. – Хм, какая же секретарша нас встретит у Владимирцева? Красивая уже была, умная – тоже, может быть, на этот раз какая-нибудь старая калоша?» – невольно усмехнулась я.

И тут нас сразу неприятно удивило скопление машин возле здания, среди которых тревожным знаком выделялась милицейская. Впрочем, в фойе нас никто не задержал, так что мы втроем беспрепятственно поднялись на четвертый этаж и постучали в дверь, которую перед нами тут же и распахнули.

– Что здесь происходит? – спросила я, удивляясь количеству народа в кабинете в этот праздничный, нерабочий день.

Ответить мне никто не счел нужным, только работники милиции, оказавшиеся здесь, сразу же попросили нас предъявить документы.

* * *

Только через полчаса мы наконец вышли в коридор и присели тут же на диван.

– Честно говоря, я не представляю, что такого могло случиться за те полчаса, которые прошли между моим звонком к Владимирцеву и нашим приездом сюда, – в недоумении сказала я, пока плохо представляя, как именно реагировать на сложившуюся ситуацию.

Я, конечно, была в курсе, что все мы смертны и в любой момент можем заболеть или вообще отправиться в мир иной. Но и предположить не могла, что сердечный приступ может вот так запросто унести человеческую жизнь за полчаса до нашего приезда.

– Слушай, что-то здесь не то, – шумно выдохнула Маринка. – Говори что хочешь, только я все равно не поверю, что еще вчера этот Владимирцев был жив-здоров и с утра говорил с тобой довольно бодро, а через полчаса после телефонного звонка его нашли мертвым в собственной ванной, умершим от сердечного приступа! – на одном дыхании выпалила она и, склонив голову набок, стала дожидаться моего ответа на свое заявление.

Вообще-то я и сама с трудом в это верила, но факты были налицо: депутат перед встречей с нами захотел принять душ и его прямо там настиг сердечный приступ, от которого он скончался на месте. Минут через двадцать в квартиру вошла жена, вернувшаяся от родителей, и обнаружила труп. Конечно, вызвала милицию, которая прибыла на место в рекордно быстрые сроки, и позвонила секретарю, который тоже примчался почти сразу. Тело депутата мы не видели, а вот сейфы, бумаги и сам офис Владимирцева опечатали у нас на глазах.

– Может быть, просто кто-то очень не хотел, чтобы мы с ним встречались? – предположила Марина упавшим голосом.

Конечно, я видела, что ей очень жаль человека, погибшего во цвете лет. Но ко всему прочему еще примешивалась обида на злодейку-судьбу, не давшую возможности даже познакомиться с этим самым человеком. Кроме всего этого, я заметила и горячее желание нашей секретарши помочь правосудию. Мы, как-то не сговариваясь, сразу решили, что с этой смертью дело нечисто.

– Вы, может быть, избиратели Геннадия Георгиевича? – обратился ко мне молодой человек приятной наружности в великолепно отглаженном костюме. – Меня зовут Ярослав Всеволодович Сосновский, я – секретарь депутата Владимирцева, то есть... бывший.

– Секретарь? – удивилась я.

Все надежды на создание психологической концепции выбора секретарши и выявление с ее помощью типа руководителя рухнули еще на начальном этапе, –

как оказалось на практике, кое-кто из руководителей предпочитает секретарей-мужчин.

– У вас была назначена встреча? – так же ровно продолжил свои расспросы Сосновский. – Можете в письменном виде изложить свою просьбу, возможно, ее рассмотрит другой депутат.

Мне такая забота о простом народе очень понравилась: «Надо же, Владимирцев умер, а его секретарь в это время о простых людях все-таки думает». Но тут мое внимание привлекло кое-что иное – фигура Мариночки как-то незаметно подтянулась, глаза заблестели, и сама она в один миг еще больше похорошела. Я долго не раздумывала над причиной столь коренного изменения внешности – достаточно было приглядеться повнимательнее к подошедшему мужчине, как сразу становились ясны душевные коллизии противоположного пола.

Ярослав, с первой минуты покоровший меня элегантностью и безупречностью манер, был высоким брюнетом с роскошной шевелюрой и очень милыми чертами лица. В общем, преображение нашей секретарши было вполне обоснованно, и нам с Виктором стало понятно – в ее сердце вновь поселилось большое чувство. Конечно, к Сосновскому.

Кстати, Виктор при появлении нового человека тоже изменился в лице, видимо, испытывая какой-то дискомфорт. «Ревнует, наверное», – решила я. Вообще-то к мужчинам в нашей редакции отношение особое – мы с Мариночкой их любим и ценим, заботимся о них и всегда стараемся облегчить им жизнь, что, конечно, получается не всегда.

Но до сей поры, даже зная о частых сменах симпатий нашей секретарши, Виктор ни разу не выказал при ней открыто своего недовольствия ее очередным кавалером, какими бы внешними и умственными данными он ни обладал. Поэтому меня несколько удивила его реакция. «Может, сам в Мариночку влюбился?» – мелькнула у меня шальная мысль.

– Ольга Юрьевна, может быть, нам действительно прибегнуть к помощи господина Сосновского? – неожиданно перебила мои умозаключения секретарша. – Я пока расскажу ему о цели нашего визита, а вы позвоните, пожалуйста, Кряжимскому.

Едва сдерживая удивление от такого явного проявления инициативы, я поднялась и вместе с Виктором направилась к телефону, находящемуся в другом конце коридора. Конечно, штудировать довольно опытного сотрудника в мои обязанности не входило, но на этот раз я не удержалась:

– Я заметила, этот тип тебе не очень нравится, но в любом случае не стоит это демонстрировать так открыто. В этом деле вообще не все гладко, – заметила я, удалившись от Сосновского на порядочное расстояние. – Мне тоже не верится, что Владимирцев внезапно умер от сердечного приступа просто так, должна же быть хоть какая-то причина и разумное тому объяснение. Поэтому давай действительно Кряжимскому сначала позвоним, а потом попробуем этого типа разговорить.

Моя рука автоматически потянулась к сумке, чтобы достать сотовый, но я тут же спохватилась: зачем же было идти так далеко, когда можно позвонить по собственному «мобильнику» одному из своих сотрудников? Во избежание подозрений мы с Виктором все-таки дошли до телефона и попросили дежурного об одолжении. А вернувшись, застали довольно мирную картину: Марина и Ярослав, позабыв о последних трагических событиях, мило болтали о совершенно посторонних вещах. Увидев нас, оба поначалу даже растерялись.

– М-мне Ярослав... Всеволодович все рассказал. Ему позвонила жена покойного, которая и обнаружила труп, а сам он в это время был на лыжной базе, – затараторила Маринка, выкладывая нам подробности, как заправский детектив. – Никого из журналистов в квартиру Владимирцева не допускают.

Хм, информация довольно исчерпывающая, но толку от нее маловато. Конечно, Сосновский искренне сожалел, что мы не успели поговорить с его шефом.

– Я и не знал о назначенной встрече, – признался он. – Обычно я в курсе всех планов Геннадия Георгиевича, но последние два дня я как раз отдыхал за городом... И теперь не представляю, смогу ли чем-то вам помочь...

– Конечно, сможете, – безапелляционно заявила я. – Нам необходимо увидеться с вдовой Владимирцева. Хоть мы и журналисты, но иногда очень даже неплохо разбираемся во всяких непонятных вещах. Представляешь, какой репортаж получится, если мы возьмемся это дело расследовать? – обратилась я уже к Виктору.

Он скептически посмотрел на меня, но от этого моя решимость не улетучилась.

- Думаю, у нас все получится, - улыбнулась я, хитро подмигнув Ярославу.

- При всем моем желании вряд ли могу в этом помочь, - растерялся Сосновский от такой напористости.

Но больше ничего объяснить постороннему человеку я пока не стала - необходимо поговорить прежде всего с Кряжимским. Он в курсе этого происшествия, так как несколько минут назад мы уже рассказали ему о своих приключениях по телефону. Но для нас сейчас куда важнее была помощь его могущественной знакомой, по рекомендации которой мы почти попали на прием к депутату Владимирцеву. «А что, может быть, и получится, - подумала я, уже успевая вспыхнуть азартом. - В конце концов, мы имеем полное право быть в курсе всех событий, потому что у нас прямо из-под носа увели прекрасную возможность написать интересную статью».

В таком воинственном настроении я вошла в офис, где уже полчаса взволнованный нашим отсутствием Кряжимский курил одну сигарету за другой и не находил себе места.

- Рассказывайте, - с порога накинулся он на нас.

Вообще-то отсутствием воспитания наш аналитик не страдает, но его охватил такой ужас от создавшегося положения, что никому и в голову не пришло требовать от него хороших манер. Поэтому, быстренько сбросив верхнюю одежду, мы расселись в креслах прямо в приемной, где царствовала Мариночка, которая тут же занялась приготовлением кофе. Стараясь как можно спокойнее и подробнее ввести Сергея Ивановича в курс дела, мы по очереди припоминали все мелочи, которые с большим трудом узнали сами.

- Значит, Владимирцев умер в период с девяти до половины десятого, когда его нашла жена, - анализировал Кряжимский наши обрывочные сведения. - Кстати, а где жена была до этого самого часа? - спохватился он.

- Да вроде бы уезжала куда-то, - вспомнила я, вопросительно уставившись на Марину.

– Я как-то не додумалась об этом спросить, – пролепетала она, выключая кофеварку.

Виктор усмехнулся, но вслух ничего не сказал. Впрочем, даже Кряжимский, которого с нами в офисе не было, догадался, что виной этой ее «забывчивости» является мужчина. «Она на него такими глазами смотрела, что я бы удивилась утвердительному ответу», – совершенно беззлобно подумала я.

– Кстати, я ему оставила свой телефон, – улыбнулась Мариночка, предлагая каждому маленькую чашечку кофе и сушки из своего диетического продуктового запаса. – Так что, если он мне позвонит, я его обязательно об этом спрошу, – пообещала она.

Честно говоря, мне с трудом верилось, что наша секретарша, обезумев от восторга, способна в эту минуту думать только о служебных делах. Но говорить об этом было просто бессмысленно, поэтому я целиком отдалась наслаждению кофе и снова промолчала.

– Сергей Иванович, надеюсь, загадочная Каверина тоже оставила вам свой номер телефона? Немедленно позвоните своей знакомой и объясните ситуацию, – скомандовала я, возвращая секретарше пустую чашку на поднос. – Возможно, она поможет организовать нам встречу с женой Владимирцева.

Кряжимский без разговоров поставил недопитый кофе и схватился за телефон. Мы, как по команде, стремительно встали и прошли в мой кабинет, чтобы продолжить разговор, – в конце концов, не наше дело, с кем знакомятся наши сослуживцы и какие общие интересы у них могут быть.

Глава 2

– Не знаю, насколько важны эти сведения, но кое-что Елена Николаевна мне рассказала, – через несколько минут объявил нам Кряжимский. – Сначала немного про секретаря...

Мы все невольно обратили свои взгляды к Мариночке, которая, к счастью, в этот момент была увлечена созерцанием пейзажа за окном и ничего не заметила, хотя уже через минуту стала внимательно прислушиваться к собранной нами информации.

– Ярослав Всеволодович Сосновский довольно давно – около полугода – работает с депутатом Владимирцевым, и отношения их связывали, по словам Кавериной, деловые, иной раз переходящие в дружеские, – расшифровывал Сергей Иванович свои записи в блокноте. – Впрочем, за рамки «начальник – подчиненный» это никогда не выходило. Конечно, проверить алиби секретаря-референта просто необходимо, но пока особых подозрений он не вызывает.

Замечание Кряжимского я решила учесть, тем не менее зафиксировала в своем компьютере это имя.

– Елена Николаевна уже была в курсе всех дел, потому что дружила с женой Владимирцева Ингой. Каверина рассказала, что она, эта самая Инга, уже несколько дней гостила у родителей в... – Кряжимский снова заглянул в блокнот. – В Романовке.

Честно говоря, мне наименование этого богом забытого уголка, который на картах нашей Родины не всегда обозначается, ни о чем не говорило. Но на всякий случай я тоже зафиксировала это название в компьютерном файле. Так как ни у кого из присутствующих никаких вопросов по уже выданному материалу не было, Сергей Иванович продолжил:

– Конечно, она была в ужасе, когда, вернувшись, обнаружила мужа в ванной, да еще мертвого. Инга сразу вызвала «Скорую», позвонила в милицию, секретарю Ярославу, номер телефона которого был ей известен, а в первую очередь – своей подруге Елене Кавериной. Врачи приехали быстро – депутатов не каждый день мертвыми находят. Они предположительно установили причину смерти – сердечный приступ. После этого делом занялись официальные власти, и теперь милиция не разрешает журналистам ничего фотографировать и вообще вмешиваться в расследование.

– Кстати, а почему Сосновского мы обнаружили не дома у шефа, а в его офисе? – уточнила я на всякий случай, чтобы сразу выяснить непонятные моменты. – Обычно в таких случаях приближенные утешают вдову...

– В этом не было необходимости, потому что Каверина сама отправила его вместе с милиционерами, чтобы сразу опечатать деловые бумаги депутата. Сами понимаете, политический след вполне возможен, поэтому допускать, чтобы в руках конкурентов оказались важные документы, было просто нельзя, – без запинки объяснил мне Кряжимский, который, в отличие от Мариночки, не забыл спросить у своего информатора самые интересные детали, сулящие сыграть важную роль в написании будущей статьи.

– Спасибо, Сергей Иванович, спасибо всем, – поблагодарила я и поднялась со своего места, давая понять, что разговор пока окончен.

– Можно по личному? – вдруг остановился в дверях Виктор.

«Неужели и этот влюбился?» – испугалась я, потому что в Новом году сотрудники уже успели мне преподнести несколько сюрпризов личного характера. Но отказывать своим коллегам в конфиденциальной беседе я не собиралась, поэтому утвердительно кивнула.

– Мне этот тип не нравится, – сказал Виктор, как только мы остались одни в кабинете.

Я сразу же поняла, что речь идет о Сосновском, и с облегчением выдохнула:

– Мне и самой не нравится. Весь какой-то слишком чистенький, прилизанный, – передернулась я, в силу своих профессиональных качеств отмечая в окружающих людях всякие мелочи. – Похвалился нам зачем-то, что лыжами в детстве занимался, первые места на школьных олимпиадах занимал... Хм, у нас с тобой, может быть, заслуг и побольше, мы же о них каждому встречному-поперечному не рассказываем!

Я едва успела перевести дух и сразу же перешла к главной мысли:

– Честно говоря, особого восторга у меня Сосновский не вызвал сразу. Но и обвинять человека только потому, что его физиономия не понравилась, не в наших правилах. Милиция и общественность к смерти депутата относятся трепетно, так что нас с тобой и близко к делу погибшего Владимирцева не подпустят. Что остается? Правильно, мы можем попробовать «завербовать» знакомую Кряжимского – больше просто ничего не остается. И еще надо бы

самостоятельно проверить алиби секретаря. Но это позже, а пока у нас с тобой другая задача...

Еще в течение пяти минут, пока продолжалась наша беседа, я успела объяснить Виктору его роль:

– Для начала попытайся выяснить более ценную информацию. Например, кто мог довести депутата до сердечного приступа, ведь когда он со мной разговаривал, то был совершенно спокоен, – напомнила я. – Единственное, что нам сейчас нужно, – попасть в дом покойного и поговорить с его женой. Может быть, от нее узнаем что-нибудь интересное.

Восприняв мои слова как прямое руководство к действию, Виктор пулей вылетел из моего кабинета и ворвался к Кряжимскому. С помощью скольких слов фотограф в точности передал тому мой «приказ», осталось для меня загадкой. Но не успела я и глазом моргнуть, как Сергей Иванович снова схватился за телефонную трубку, и уже через несколько минут затрезвонил аппарат в моем кабинете.

– Здравствуйте, Ольга Юрьевна, – услышала я приятный женский голос на другом конце провода. – Меня зовут Елена Каверина, я звоню по просьбе одного вашего сотрудника...

Вообще-то я и сама с первой же секунды об этом догадалась. Но сейчас мне надо было бы что-то сказать в ответ, и я не придумала ничего лучшего, как просто поздороваться.

– Сейчас я нахожусь в квартире депутата Владимирцева, – как ни в чем не бывало продолжила моя собеседница. – Можете приехать и осмотреть место происшествия... Сергей Иванович сказал, что вы бы хотели пообщаться с Ингой, но она сейчас в таком состоянии... Ничего не могу обещать.

– Спасибо большое, если вы не против, мы подведем прямо сейчас, минут через двадцать. – Я наконец обрела дар речи и могла связать пару слов.

Вежливо попрощавшись с Кавериной, я опустила трубку на рычаг и по селектору попросила Марину объявить общий сбор в кабинете главного редактора. Через несколько минут мои коллеги, вооружившись блокнотами, ручками, а кое-кто –

собственной памятью, устроились в своих излюбленных местах моего кабинета.

Маринка с новой порцией свежесваренного кофе незаметно просочилась в комнату, поставила перед каждым чашку и притихла в уголке. Конечно, меня это ее внешнее спокойствие не обмануло – она очень хотела принимать участие во всех делах редакции, поэтому сдаваться не собиралась и в случае чего могла поднять шум и крик.

– Давайте обсудим, кого оставить в редакции, а кому стоит поехать на разведку к Владимирцевым, – сообщила я повестку дня, и Мариночка тревожно напряглась, ожидая своей участи. – Нам крупно повезло: знакомая Сергея Ивановича – Елена Каверина, которая дружна с женой покойного, – обеспечила нам беспрепятственный доступ в дом депутата. Теперь необходимо уточнить состав команды.

– Я еду, – спрыгнул Виктор с подоконника.

Объяснять, что на месте любого происшествия профессиональный фотограф бывает просто необходим, было не надо, так что все говорило в пользу Виктора. Похоже, никто против его кандидатуры и не возражал.

– А вы, Сергей Иванович? – повернулась я к Кряжимскому.

– Я бы остался. Думаю, моего личного присутствия не требуется, так зачем же толпу создавать?

Маринка с облегчением выдохнула – веских аргументов у нее не было, а так она автоматически могла переложить на плечи аналитика свои секретарские обязанности и поехать с нами. Ее согласие на поездку можно было и не спрашивать: она всегда радовалась, отправляясь с нами на очередное задание. Правда, инструкции, которыми ее щедро снабжали все мы перед выходом в свет, она иногда оставляла без внимания: часто задавала вопросы невпопад, не по делу смеялась или громко возмущалась... Но квалифицированными журналистами и мы стали не сразу, поэтому некоторые ошибки нашей непосредственной Мариночке все же прощали и старались с каждым разом научить секретаршу новым приемам получения нужной информации.

Отказать ей сейчас в удовольствии общения с интересными людьми у меня даже не было повода – в редакции оставался Кряжимский, который в случае чего запросто мог ответить на звонок. Мы вообще старались не забывать бессмертные слова кота Леопольда о том, что надо жить дружно, поэтому взаимовыручка в коллективе практиковалась довольно часто.

Таким образом, определив состав авангарда, мы покинули стены родной редакции. По адресу и подробным объяснениям Кавериной мы достаточно быстро нашли нужный дом. Честно говоря, раньше, проезжая мимо него, я и не думала, что одну из квартир в нем занимает депутат городской Думы Геннадий Владимирцев.

Листая досье, которое мы с Мариной еще вчера успели на него собрать, я не находила для себя ничего интересного. «Подумаешь, жил себе и жил человек... Ну, закончил в свое время экономический, ну, женился на обыкновенной учительнице, приехавшей в Тарасов откуда-то из провинции, ну, выбрали его в Думу, – рассуждала я, переворачивая страницы тоненькой папки. – До настоящего времени никаких персональных проектов и законов он не выдвигал, хотя место в думской иерархии занимал довольно высокое. Только в связи с грядущими кадровыми перестановками фамилия Владимирцева замелькала в светских хрониках и политических репортажах, потому что он был одним из кандидатов на место куратора по распределению финансовых средств между округами и районами области».

– Ну что, пошли? – спросила Марина, плохо скрывая свое нетерпение.

Я отвлеклась от собственных размышлений и вышла из машины, полная решимости. Возле подъезда нас никто не задержал, хотя жильцы дома с любопытством поглядывали на еще одну машину, притормозившую возле третьего подъезда. Зато гостеприимно распахивать перед нами двери квартиры никто не торопился – сначала участковый проверил наши документы и только потом с недоверием разрешил пройти в прихожую.

– Это представители прессы, я их пригласила, – услышала я из комнаты женский голос со знакомыми интонациями. – Здравствуйте, меня зовут Елена Каверина. Проходите, пожалуйста, Инга вас ждет.

Хм, я только посочувствовала нашему порядочному Кряжимскому, который был уже не первый год благополучно женат: встретиться с такой женщиной – просто несказанная удача для любого холостого мужчины и колоссальная проверка – для женатого. Вообще-то по сценарию всех любовных романов я должна была вспылать жуткой ревностью и даже ненавистью к этой высокой брюнетке, но меня почему-то обуяли чувства совершенно противоположные. Встречаясь по ходу своей журналистской работы с разным контингентом женщин, я уже привыкла к их вечно бледным и осунувшимся физиономиям, тусклым глазам и отсутствию маникюра или прически.

Сейчас меня просто захлестнула волна восхищения – Каверина выглядела просто великолепно. Нет, не роскошно, потому что черные джинсы с коротким темно-синим свитером отнюдь не претендовали на особую презентабельность, хотя, по словам Кряжимского, она тоже работала в Думе и занимала довольно высокий пост – курировала дела молодежи и спорта.

Просто внутренняя раскрепощенность и внешняя простота довольно органично вписывались и в имидж деловой женщины, которой я Каверину немедленно представила, и в образ заботливой подруги, которой она, по сути дела, сейчас и являлась.

Перезнакомившись прямо на месте, мы следом за нею прошли в гостиную. А когда она вышла узнать о самочувствии подруги и заодно принести нам кофе, произошла совершенная неожиданность.

– Елена Прекрасная, – внезапно шепнул мне Виктор, удивив меня такой многословностью.

«Тоже мне Парис нашелся», – усмехнулась я, припоминая мифы греческой мифологии. Впрочем, спорить с фотографом было делом абсолютно безнадежным: Каверина действительно не оставляла равнодушным никого из окружающих – в этом я уже успела убедиться на собственном опыте.

– Скажите, а в квартире уже побывала милиция? – профессионально поинтересовалась Марина, когда Елена вернулась и поставила перед каждым чашку с ароматным напитком.

– Да, они только забрали тело и провели поверхностный осмотр. Инга отказалась пока давать официальные показания без своего адвоката, но с вами согласилась пообщаться даже в его отсутствие, – тут же ответила Каверина. – Надеюсь, вы будете предельно корректны...

– Можно мне в ванную? – прервал ее Виктор, стараясь носовым платком скрыть свое неловкое обращение с чашкой кофе.

– Да, но милиция попросила ничего пока не трогать, – предупредила Каверина. – Постарайтесь не оставлять отпечатков.

Под нашими недоумевающими взглядами фотограф вышел. «Странно, обычно он бывает намного аккуратнее, – заметила я. – Особенно в гостях. Волнуется?» Но подумать об этом чуть дольше просто не хватило времени – через минуту к нам присоединилась вдова Владимирцева Инга.

Она оказалась полной противоположностью высокой голубоглазой Елене: небольшого роста, светловолосая, кареглазая. Бледность и слегка припухшие веки придавали ее лицу какой-то утонченный аристократизм. Мне сразу стало ясно, что горе этой женщины от смерти мужа вовсе не было поддельным. Впрочем, мы все равно, не полагаясь на милицию, собирались кое-что проверить. Представившись, я сразу начала разговор:

– Инга Львовна, мне бы для начала хотелось узнать, почему сегодня утром возле вашего мужа не оказалось никого из охраны или обслуживающего персонала?

Поймав на себе укоризненный взгляд Марины, я поняла: многие люди не пускаются с места в карьер, как я, а долго тянут кота за хвост, мучая человека ненужными прелюдиями. Я давно поняла, что, намеренно растягивая нашу беседу, мы только причиним лишние страдания Инге. Она сама, видимо, такого вопроса не ожидала и поэтому жалобно посмотрела на подругу. Но Каверина ободрила ее своей улыбкой, и та начала отвечать на наши вопросы:

– Сейчас же праздники, Гена хотел поработать в одиночестве, поэтому и к родителям вместе со мной не поехал. Лишних людей у нас никогда не было – муж этого не любил. Ярослав, его секретарь, предупредил, что собирается отдохнуть на лыжной базе, а шофера мы отпустили в отпуск еще в декабре – вместе с женой и детьми он уехал куда-то на Украину к родственникам. –

Волнуясь, Инга выговорила все это и замолчала.

– Но ведь у вашего мужа как раз на сегодня была назначена встреча с нами, почему же секретаря не было вместе с шефом? – удивилась я.

– Вроде бы Ярослав даже не знал об этой встрече, – подала голос Елена. – Он сегодня такой встревоженный примчался, очень переживает. Сказал, что раньше завтрашнего дня не собирался возвращаться в город.

Отметив это в своей памяти, я неожиданно для себя передала эстафету Марине.

– Инга Львовна, хотелось бы знать, всегда ли до этого случая Ярослав Сосновский был в курсе дел своего непосредственного начальника? Кстати, вообще он раньше приходил к вам домой или работал с вашим мужем только в офисе?

С облегчением выдохнув, я гордо отметила про себя: «У Мариночки налицо профессиональный рост – глупых вопросов уже не задает, всячески поддерживает нашу репутацию».

– Насколько я помню, Ярослав у нас никогда раньше не бывал, – пожала плечами Владимирцева. – Он и сегодня не входил в квартиру – Леночка встретила его внизу у подъезда, все объяснила, и он поехал сразу в офис, чтобы проследить за документами. Конечно, он прекрасно знал наш телефон и адрес, часто заезжал за мужем вместе с шофером. Но дома Гена обычно никаких особых дел не вел, только иногда копался в каких-то бумагах, поэтому секретарь ему не требовался. Впрочем, они иногда перезванивались в выходные.

– Елена Николаевна, а что вы думаете о Сосновском? – повернулась я к Кавериной.

– В общем-то положительный молодой человек, – неопределенно пожала плечами она. – Честно говоря, я его мало знаю, так что исчерпывающую характеристику дать не могу. Гена знал его гораздо лучше, – замялась она, – и профессиональные его навыки оценивал довольно высоко. Женщинам он, конечно, нравится: красивый, умный вроде бы и очень аккуратный – на его столе никогда не бывает беспорядка и пыли. Не то что у Геннадия...

Некоторые из этих качеств я и сама сумела подметить, так что ничего нового Елена мне не открыла. Впрочем, ответ был получен очень содержательный, поэтому про секретаря я больше ничего не стала спрашивать и взглядом выразительно попросила о том же Марину, которой просто не терпелось продолжить эту тему. Понимая, что мы и так слишком щедро пользуемся гостеприимством Владимирцевой, я решила беседу заканчивать:

– Инга Львовна, ваш муж болел чем-то хроническим или, может быть, в последнее время жаловался на сердце?

– Нет, – испуганно, но без тени сомнений ответила она. – По-моему, Гена вообще был очень здоровым человеком. Даже работая сутками напролет, он достаточно редко страдал от переутомления, а на головную боль и вовсе не жаловался.

– Я тоже ничего такого за ним не замечала, – подтвердила Каверина, когда я взглянула на нее.

У меня в уме сразу сложилась определенная картинка: вряд ли Владимирцева была не в курсе самочувствия собственного мужа. «Если же он и правда был болен и Инга об этом знала, то лжет она довольно правдоподобно, – решила я. – И Каверина в этом случае очень умело ей подыгрывает». Правда, в последнее мне как-то не очень верилось – уж слишком благоприятное впечатление произвела на меня Елена, которую наш фотограф уже успел окрестить Прекрасной. «Самое интересное он уже пропустил», – с сожалением успела подумать я, прежде чем сам Виктор появился в дверях комнаты.

– Простите, Елена Николаевна, – в который раз удивил он меня своей болтливостью в этот день, – вы в ванную заходили?

– Зачем? – удивленно спросила Каверина.

У меня тоже готов был сорваться тот же вопрос, потому что я совершенно не понимала, какое отношение может иметь подруга вдовы к этому делу и почему вдруг моего коллегу заинтересовала ее чистоплотность. Так как на поставленный вопрос Виктор отвечать совершенно не собирался, Елене Прекрасной пришлось говорить самой.

– Н-нет, по-моему, я туда не заходила. А в чем дело? – так же удивленно спросила Елена. – Что-нибудь не так?

– Все в порядке, – спокойно «закрыл» вопрос Виктор.

– Он просто хотел проверить чисто женскую страсть к созерцанию в зеркале собственного изображения, – нашлась я, стараясь сгладить неловкость момента.

– У меня в комнате тоже есть зеркало. По-моему, Леночка раздевалась там, – вставила Инга. – Для этого не обязательно заходить туда...

Видимо, образ ванной комнаты неразрывно связался в ее сознании со страшной картиной смерти собственного мужа. Про себя я разносила Виктора в пух и прах: «Надо же, все шло так хорошо, ровно и спокойно, но тут явился он, и Инга сникла, занервничала!» Чтобы не усугублять создавшегося положения, мы сделали несколько снимков, попрощались и уже собрались уходить.

– Не провожайте нас, – остановила я Каверину. – Побудьте с Ингой Львовной. Если можно, я вам позже перезвоню, чтобы выяснить еще кое-какие детали. А насчет репортажа не беспокойтесь – в любом случае вы обязательно прочтете его до публикации.

– Да-да, конечно, – рассеянно кивнула она.

– Елена Николаевна, и посоветуйте милиции, когда она снова приедет, осмотреть ванную комнату повнимательнее, – вдруг произнесла Маринка, переглядываясь с Виктором. – Там ничего страшного нет, но заходить туда пока не стоит – мойте руки на кухне, – говорила секретарша с расстановкой, будто переводя с чужого языка самые обычные слова.

Я мгновенно поняла, кто является инициатором этого «сурдоперевода». Но добавила фразу уже от себя:

– Желательно пока никому ничего не рассказывать – ни коллегам, ни друзьям, ни даже самым близким.

В совершенном недоумении относительно похода Виктора в ванную я спускалась по лестнице вслед за Мариной. Виктор, как обычно, открыл перед нами дверцы машины, и вскоре мы уже ехали по направлению к редакции.

– Что ты там такое нашел? – наконец не выдержала я. – Тело милиция забрала на судмедэкспертизу, следов крови не обнаружили...

– Волосы на раковине.

– Какие? – не поняла я.

Виктор молча протянул мне на первый взгляд пустой полиэтиленовый пакет. Приглядевшись, я обнаружила там два обыкновенных человеческих волоса. Не слишком длинных, черных.

Я посмотрела на эту единственную, почти прозрачную улику и пожала плечами:

– Ну, кто-то, видимо, расчесывался?

– Вот именно, – радостно подтвердила Маринка, но тут же осеклась: – И этот «кто-то» скорее всего – убийца.

* * *

Кряжимский очень внимательно выслушал мой отчет о проведенной операции, но так ничего и не сказал. Мне уже надоело сидеть и ждать, когда он наконец выскажет свою точку зрения, но на мои робкие попытки завести разговор он никак не реагировал. Да, наш аналитик в последнее время преподносил нам один сюрприз за другим: то знакомство с Еленой Прекрасной, то есть Кавериной, то вот это непонятно сколько длящееся молчание...

– Ну и пусть! Я сразу поняла, что он тебе не понравился! – услышала я возбужденный голос Марины, доносившийся до меня из приемной. – Думаешь, все должны кирпичи руками разбивать, как ты?

«Похоже, ссорятся, – усмехнулась я. – И когда только эти двое успевают найти камень преткновения!» Меня порой даже удивляла способность болтливой Маринки и молчаливого Виктора на пустом месте умудриться не сойтись во мнениях. Причем такое наблюдалось, только когда они были вдвоем – в моем присутствии или при посторонних они во всем друг с другом соглашались. «Интересно, что на этот раз?» – вздохнула я, припоминая их прошлогодние трения по поводу размера и конфигурации бумажных снежинок, которыми мы оклеивали окна, стараясь придать интерьеру офиса праздничную нотку.

«Видимо, относительно этого джентльмена из журнала мод, – фыркнула я про себя, услышав из приемной очередную Мариночкину фразу. – Этот Ярослав раз десять галстучек поправил, пока с нами разговаривал, да еще по пути в зеркало заглянул, как кисейная барышня. Неудивительно, что Виктора это раздражает».

– А ты... А ты...

Похоже, у Маринки закончился словарный запас, а это уже был тревожный сигнал – надо было принимать срочные меры.

– Что у вас тут происходит? Из-за чего сыр-бор? – грубо вмешалась я в светскую беседу, открывая дверь и выходя в приемную.

Я прекрасно знала, что, если пропущу нужный момент своего появления, наша редакция еще пару недель будет делиться на два враждующих лагеря. Поэтому допустить размежевание в пока еще сплоченных наших рядах именно сейчас я просто не могла. Выяснить, «кто первый начал», было бесполезно: Маринка никогда не признается, а Виктор просто будет молчать, как пойманный партизан. Поэтому я стала действовать более решительно.

– Миритесь немедленно, или отстраняетесь от дела, – скомандовала я, наступая на большую мозоль обоих.

На лице Виктора, который начал сегодня свой первый рабочий день после Нового года, вмиг обозначились были бурные эмоции, но, зная мой непреклонный характер, он что-то буркнул в сторону секретарши. Видимо, это и означало извинение, потому что Мариночка сразу удовлетворенно улыбнулась и даже промурлыкала, что тоже была не права. Едва сдерживая приступ смеха, я села в кресло и приготовилась выслушать причину столь бурных эмоций.

Вообще-то, вводя в обиход прямо-таки детский способ примирения, я с самого начала не верила в успех предприятия и воспринимала все это как игру. Но потом, как-то сама собой, детсадовская привычка прижилась и стала почти единственным способом избежания серьезных конфликтов между взрослыми людьми.

Я молча сидела в кресле и ждала, когда моих сотрудников захлестнет волна сознательности.

– Оль, он меня весь день достает, – жалобно начала Марина. – Не успел Ярослав мне позвонить, так он его уже пижоном обзывает.

«Пижон и есть», – безапелляционно подтверждала ее слова невозмутимая физиономия Виктора.

То, что ему Сосновский с первого взгляда не понравился, мне уже и так было ясно. Но, как оказалось, Маринка все же не зря настояла, чтобы мы обязательно взяли ее с собой на редакционное задание, – хоть встреча с депутатом и не состоялась, зато с интересным мужчиной она все-таки познакомилась. Наша секретарша прямо растаяла, когда увидела высокого красавца, который очень толково объяснил нам все подробности неприятного происшествия с его шефом. Конечно, я тоже обратила внимание, как он гордился своей картинной внешностью, постоянно смотрелся в зеркало, поправлял галстук и расчесывал роскошную шевелюру.

«Но не виноват же человек в том, что красив, – снисходительно подумала я. – Конечно, вполне возможно, внутри он – пустой, как пробка. Но все-таки свои обязанности он выполнял хорошо и аккуратно, поэтому абсолютным дураком его нельзя назвать».

Впрочем, причины сегодняшних разногласий коллег я видела не в самой внешности ни в чем не повинного секретаря, а в том, что он уж очень понравился нашей Мариночке. Впрочем, нашу секретаршу тоже не стыдно людям показать. Конечно, ревностью здесь и не пахло – просто мы все старались заботиться друг о друге, поэтому скорее всего Виктор просто решил пощадить чувства влюбленной Мариночки в том случае, если Ярослав не оправдает ее надежд. «Но не таким же образом», – подумала я про себя.

Как люди взрослые, мы не нуждались в обязательном проговаривании вслух всех этих деталей, поэтому и Маринке, и Виктору было достаточно и моего строгого приказа в ближайшее время никаких ссор и склок не устраивать.

– Нам сейчас важно написать статью и разобраться в деле со смертью депутата, – наставительно произнесла я приговор над склоненными головами провинившихся коллег. – Запомните, против его секретаря мы ничего не имеем. Так что давайте жить дружно и заниматься работой.

– Ольга Юрьевна, я вот подумал про находку Виктора... – показался из-за двери Кряжимский, который, похоже, только что обнаружил мое отсутствие в кабинете. – Может быть, сам Владимирцев расчесался перед тем, как принять душ?

Я задумалась: мы как-то сразу свыклись с мыслью, что найденные Виктором в ванной черные волосы – неоспоримая улика, которая поможет нам обнаружить след преступления и вычислить кого-нибудь. Но врач же определил причину смерти – «сердечный приступ»...

– Исключено, – вдруг прервала Маринка мои умозаключения, начинающие выстраиваться в логическом порядке. – Убитый был блондином.

«Ничего себе!» – вздрогнула я, как от выстрела, и, обернувшись к ней, спросила:

– И как ты об этом догадалась?

– Так ведь по всей квартире фотографии развешаны этой Инги с каким-то мужчиной. Ясное дело, с чужим дядей никто не будет так часто сниматься, тем более обвешивать его изображениями стены собственного дома, – с удовольствием объяснила мне наблюдательная секретарша.

Логика была железная: я и сама заметила обилие фотографий, но воедино это все как-то не связала.

– Выходит, Виктор действительно нашел улику, – подвел итог Кряжимский. – Но это не значит, что в квартире Владимирцевых на самом деле был убийца, спровоцировавший сердечный приступ. Может быть, просто к нему в отсутствие

жены приходила... хм, женщина. Потом ушла, он закрыл дверь и спокойно пошел в ванную, где, собственно говоря, и произошла трагедия.

Честно говоря, пока никакой женщины-брюнетки, кроме Елены Кавериной, я не знала. «Она красива, умна, легко вхожа в дом... – строила я свои рассуждения, но вдруг осеклась: – Это уже из репертуара Виктора. Что ж теперь, если она красивая, так обязательно – убийца, хотя бы потенциальная, на основе одной-единственной косвенной улики?»

Хм, что-то слишком часто в последнее время в моей жизни находил отражение пресловутый закон Мебиуса, со странной постоянностью возвращающий меня на то же самое место, откуда я старалась уйти. Едва я пыталась отступить от шаблона, искусственно навязанного нашим фотографом, как подсознательно отработывала этот вариант развития действия снова и снова. Нет, такой поворот дела допустить было просто нельзя, поэтому я решила переключиться на что-нибудь другое.

– Скажи, ты специально вылил на себя горячий кофе, чтобы только попасть в ванную?

Виктор в ответ неопределенно пожал плечами. Из этого жеста я могла сделать единственный вывод: для достижения цели все средства хороши. Даже в ущерб собственным штанам. Спрашивать, сфотографировал ли он место происшествия, я даже не стала, только спросила:

– Фотографии с уликами скоро будут готовы? Когда у нас на руках будут веские доказательства, милиции от расследования дела уже не отвертеться.

– Улики? – удивилась, в свою очередь, Маринка. – Разве их было много?

Вопросы обоймой летели в спину фотографу, который уже ушел заниматься своей непосредственной работой. Зато через час мы смогли собраться в моем кабинете в том же составе и продолжить начатый разговор.

– Видимо, улики все-таки были. Первым делом – эти самые волосы на раковине. Наверное, кто-то там расчесывался, и они случайно упали. Виктор аккуратно их в пакетик упаковал, поскольку тоже успел заметить, что погибший депутат был блондином, – начала я распутывать логическую цепочку.

– Очень хорошо, что Виктор обратил внимание и на эти провода, вроде бы совершенно ненужные, – поддержал меня Кряжимский. – Здесь видно, что из-под ванны они подходят прямо к крану душа. Кстати, почему ты обратил на них внимание? – повернулся Сергей Иванович к фотографу.

– Пыль, – последовал короткий ответ.

То, что у всех обычных людей, особенно в отсутствие жен, под самой ванной всегда пылица, мы знали не понаслышке. Но даже на фотографиях было прекрасно видно – под ванной Владимирцевых пыль была аккуратно вытерта.

Я удивилась такой мужской наблюдательности и лихорадочно начала вспоминать, когда сама в последний раз заглядывала под ванную. Чувствуя себя жуткой неряхой, в этот момент я так ничего и не смогла придумать в свое оправдание. Впрочем, Виктор на мои терзания совершенно никакого внимания не обратил.

– Конечно, на месте некогда было разбираться, – обратился Кряжимский к Виктору, – но теперь, в спокойной обстановке, желательно подумать об этих проводах серьезно.

Все это время я продолжала с любопытством рассматривать два черных волоса – нашу единственную пока еще улику, которая наводила на определенные мысли.

– Как вы думаете, Кавериной они подойдут? – наконец спросила я то, о чем все думали, но никто не решался открыто высказать вслух.

Полиэтиленовый пакет с минуту путешествовал из рук в руки. Задача осложнялась еще и тем, что полиэтилен преломлял свет, поэтому тонкие волосы видны не так четко. Когда очередь дошла до Кряжимского, мое сердце тревожно сжалось: конечно, профессионализма ему не занимать, но в этом вопросе я не могла ручаться за его непредвзятость.

– По-моему, у Елены Николаевны волосы тоньше по фактуре, – спокойно заметил он, и у меня отлегло от сердца.

– Кстати, они немного другого цвета, – вдруг поняла я, пристально оглядев волоски со всех сторон. – При всем моем уважении, господа, она – не натуральная, а крашенная брюнетка, – торжественно произнесла я, ставя точку в этом вопросе.

Я даже обрадовалась, что именно мне выпала честь докопаться до истины: в познаниях по окраске волос я была не слишком сильна. Впрочем, любая женщина согласилась бы со мной – цвет нашей находки был совершенно натуральным. Тем более что у Кавериной вдобавок ко всему волосы были тонкие и пушистые – это я запомнила, а этот – жесткий и немного покороче.

– Отпадает? – переспросил Виктор, явно намекая на непричастность Елены Прекрасной к преступлению.

– Однозначно, – в тон ему ответила я и для пущей убедительности кивнула.

– Никаких важных улик у нас нет, – напомнил Кряжимский. – Кроме того, у нее – депутатская неприкосновенность, которая действует до тех пор, пока не будут найдены абсолютные и неоспоримые доказательства ее участия в уголовном деле. Кстати, с остальными депутатами нам в этом отношении тоже будет трудно: обычного подозреваемого можно сразу трясти, а этих ни в коем случае нельзя трогать, пока веских улик и причин для ареста нет.

– Но вопрос остается в силе: какая женщина была в квартире? – гнула эту линию Маринка.

– «Шерше ля фам», как обычно, – усмехнулась я и приуныла: все так хорошо шло, и вот снова возвращаемся на исходную позицию.

* * *

После непродолжительного, но плодотворного общения у каждого из сотрудников редакции газеты «Свидетель» появилось широкое поле для раздумий. Кряжимский молча ушел в свой кабинет с тем самым пакетом, в котором хранилась наша улика. Виктор уединился в святая святых – своей фотолаборатории, чтобы проявить уже отснятые кадры пленки. Только Мариночка осталась на рабочем месте в абсолютном бездействии.

Точнее, это была только видимость безделья, на самом деле она успела рассортировать почту, сварить свежий кофе и приступить к неизменному времяпрепровождению всех секретарш – телефонному разговору. Конечно, может быть, стоило сделать ей выговор за перегруженную линию, но беседовать с кем бы то ни было мне сейчас не хотелось, так что легкомысленная Маринка даже оказала нам услугу, заняв хотя бы один телефон. Кроме того, после великолепного кофе, которым она не преминула поделиться со всеми сотрудниками редакции, мы просто не в состоянии были на нее сердиться за что бы то ни было. Кстати, она сама прекрасно это знала и пользовалась этим напропалую.

Я тоже сидела в полном одиночестве перед компом и бессмысленным взглядом смотрела на экран. Собранных сведений оказалось не так-то много, чтобы написать приличную статью. К тому же дело осложнялось кое-какими неясными моментами: при обнаружении улик все дело смотрелось в новом свете.

Конечно, я понимаю, люди смертны, они болеют и умирают. Но в данном случае явно не все чисто – не мог же просто так, без всяких причин, умереть человек, еще вчера здоровый, бодрый и полный сил, к тому же занимающий довольно видное место в иерархии Думы. Ставить под сомнение слова Инги Владимирцевой насчет здоровья ее мужа я не решилась, но проверить эти сведения у докторов все же было необходимо. «Кстати, надо спросить об этом и у Ярослава», – вспомнила я еще об одном действующем лице нашей пьесы.

Уже несколько раз прокручивая в голове телефонный разговор с Владимирцевым, я с каждым разом все более убеждалась: он был настроен по отношению к нам очень дружелюбно и серьезно. Впрочем, как человек деловой, он скорее всего не должен был переволноваться до такой степени, чтобы скончаться от сердечного приступа буквально через несколько минут после нашей с ним последней беседы. «Ну, в самом деле, не стал бы он нервничать так из-за встречи с нами до того, как отдал богу душу, – рассуждала я. – Не мы же, в самом деле, его так напугали». «А кто?» – сразу возник следующий вопрос. Ответить на него я пока не была готова, но все же подумать над этим стоило. На все сто процентов я была уверена, что в ближайшие планы Владимирцева совершенно не входила собственная смерть, по крайней мере сегодня. Сомневаться в серьезности его намерений по отношению к нашей редакции я не могла: вряд ли Каверина ставила перед ним такую задачу. К тому же никакой авторитет не заставил бы депутата разговаривать с журналистами против его воли, значит, кому-то другому эта предстоящая встреча с представителями

прессы очень не нравилась.

«Но кому?» – опять спросила я себя. Ведь, по нашим сведениям, даже личный секретарь Владимирцева не был поставлен в известность о ней. «И что же такого не должен был рассказывать нам Геннадий Георгиевич, если его, допустим, так оперативно убрали недоброжелатели?» – подумала я и сама удивилась. Оказывается, в мыслях я уже давно смирилась с тем, что все-таки смерть Владимирцева не была случайной и естественной.

– Марина, попроси зайти ко мне Кряжимского, – нажала я кнопку селектора.

– Все-таки решила статью написать? – сразу же заинтересовалась секретарша. – Вот и я так думаю – не каждый же день депутаты умирают от сердечных приступов. Слушай, Оль, можно же написать сенсационную статью на основе журналистского расследования! – восхищенно тараторила она, пока я пыталась вставить хоть одно слово в ее монолог. – Да мы такую операцию проведем!..

Окончательно поняв, что Мариночка в своих мечтах унеслась уже далеко, я отключила селекторную связь. Наверное, по характерному звуку она все поняла, поскольку немедленно дверь моего кабинета распахнулась и я увидела... Нет, не Кряжимского.

– Эврика! – почти по слогам произнес Виктор, вываливая на мой стол кучу еще влажных, только что отпечатанных снимков.

– Это что? – уставилась я на него, перебирая фотографии, на которых мне не было понятно совершенно ничего: человеческих лиц не видно, а предметы выглядели как-то странно для далекого от техники человека.

– Очень интересно, – склонился Кряжимский над столом. – Насколько я понимаю, это ванная комната? И электрические провода? Очень занимательно... – бормотал он, перекладывая снимки.

Маринка тоже очутилась рядом и изо всех сил старалась рассмотреть, что же все-таки изображено на загадочных фотографиях. Мы с нею удивленно переглянулись.

– Объясните, наконец, что здесь происходит! – потребовала я на правах главного редактора. – Нам надо радоваться или огорчаться?

– Не знаю, – пожал плечами Кряжимский. – Но нечто подобное я ожидал увидеть. Кстати, немедленно звоню Елене Николаевне, чтобы сообщить о новых фактах, а Виктор вам все расскажет. Мы должны поторопиться, пока официальные власти не решили смерть депутата заретушировать, – быстро сказал он, увидев мое готовое сорваться возражение.

– Ольга Юрьевна, момент исторический, – произнесла Марина с пафосом, прекрасно зная, что я такие маневры терпеть не могу. – Владимирцев вряд ли умер по естественным причинам. Скорее всего ему в этом очень помогли.

– Интересно знать, кто и как? – скептически спросила я, устраиваясь на любимом подоконнике Виктора.

– Пока не знаю, кто, – это еще предстоит выяснить, а вот как – сказать проще простого: скорее всего с помощью электрического разряда, – пояснила наша секретарша, переглядываясь с Виктором, хранившим молчание.

Увидев полнейшее недоумение на наших лицах, Виктор его нарушил и начал было объяснять строение какой-то электрической цепи, которое мы с Маринкой должны твердо знать еще с восьмого класса. Честно говоря, стало еще хуже. Я совсем уж было отчаялась что-либо понять среди всех этих «непосредственных контактов» и «коротких замыканий», как эту очень познавательную лекцию по основам электромеханики прервал телефонный звонок. Мариночка хотела было возразить что-то Виктору по поводу «замкнутой цепи», но по моему вмиг изменившемуся лицу оба сразу поняли серьезность момента и напряженно замолчали.

– Да, конечно, сейчас как раз все в сборе. Да, ждем вас, – вежливо сказала я и положила трубку. – Допрыгались, нами заинтересовались правоохранительные органы, – сообщила я без энтузиазма.

Вообще-то само собой разумелось, что утаивать от милиции результаты нашего расследования мы не собирались и по гражданским принципам даже не могли. Но к визиту следователя в наш скромный офис мы как-то морально не подготовились, поэтому известие о том, что «к нам едет ревизор», повергло всех

если не в шок, то в дурное расположение духа.

Все мои сотрудники, получив строгий приказ на своих местах дожидаться особых указаний, в унынии разбрелись по кабинетам и стали изображать видимость работы. Впрочем, Мариночка это делала естественнее других – уже через десять минут к нам пожаловал начавший сесть майор милиции Данильченко, и секретарша проводила его в мой кабинет.

* * *

– Да поймите, Сергей Анатольевич, мы только собирались взять интервью у депутата Владимирцева, и время у нас заранее было назначено, – в десятый раз пыталась я втолковать милиционеру цель нашего посещения офиса на улице Чернышевского.

Впрочем, еще десять минут назад я поняла бесполезность этого мероприятия – майор просто отказывался понимать человеческую речь и только требовал с меня и остальных сотрудников редакции подписку о неразглашении результатов следствия и о невыезде из города. Собственно говоря, против этого мы не возражали, но бравый служитель закона смотрел на нас так, будто мы были закоренелыми уголовниками и попались в очередной раз на «мокрухе».

Как только все формальности были соблюдены и майор удалился восвояси, ворча себе под нос что-то об отсутствии у нас гражданской сознательности, мы вздохнули с облегчением. На самом деле не каждый день приходится выслушивать в свой адрес обвинения во всех смертных грехах. А этот служитель Феиды вообще заявил, будто мы с самого начала мешаем следствию и на нас органы внутренних дел обратят особое внимание. Когда я предъявила ему кое-какие фотографии, из тех, что успел сделать Виктор, майор заявил: «Не ваше дело».

– Да о какой гражданской сознательности может идти речь, если таким типам ведение следствия доверяется! Да еще и подписку о неразглашении взял! Мы бы рады были что-нибудь сказать, так он мне слова не дал вставить! – негодовала Марина, которой Данильченко и в самом деле не дал рта раскрыть, о чем она сейчас бурно горевала.

Переубеждать секретаршу в наши планы не входило, но при общем согласии мы решили провести собственное журналистское расследование. Тем более что подозрения Виктора подтвердились на все сто процентов: Владимирцев действительно умер не от сердечного приступа, а от разряда электрического тока – милиция обнаружила провода, заснятые нашим фотографом в ванной комнате депутата, и следы прохождения тока на ступнях ног убитого.

Конечно, с сегодняшнего дня милиция и нас не собиралась оставлять без внимания, ведь когда журналисты появляются на месте происшествия, да еще и находят что-то интересное, они автоматически попадают в число подозреваемых. Тем более никто, кроме жены покойного, депутата Елены Прекрасной и сотрудников нашей редакции, вообще не предполагал, что смерть Владимирцева наступила не по естественным причинам. Поэтому просто необходимо было предпринять активные действия для восстановления собственной репутации и поимки настоящего преступника. А для этого мы располагали и опытными кадрами, и желанием работать.

Глава 3

Помня о том, что при любой запутанной жизненной ситуации французы прежде всего рекомендуют искать женщину, мы этому совету и вняли. Первой женщиной, которая пришла на ум всем сразу, являлась Инга, жена покойного. По наведенным справкам, в случае гибели мужа именно она получала все его наследство: машину, дачу, квартиру, которая уже была оформлена как совместная собственность. Впрочем, иначе и быть не могло – Геннадий Георгиевич был единственным ребенком в семье, а родители его успели умереть.

Прекрасно понимая, что в мировой практике встречались случаи, когда преступления совершались и по более ничтожному поводу, меркантильных интересов мы все-таки не исключали. Зато себя из списка подозреваемых вычеркнули раз и навсегда. «Если уж милиции так хочется, пусть доказывает нашу вину», – рассудили мы и решили пока забыть о собственных неприятностях.

Честно говоря, мне Инга очень понравилась, но коллеги начали бурно протестовать против личных симпатий и антипатий. Я успела предложить им несколько примеров: почему бы тогда с самого начала не подозревать Елену, от которой тоже все в восторге, или какую-нибудь другую, абстрактную женщину?

– Ольга Юрьевна, Кавериной смерть депутата менее выгодна, чем его собственной жене, – рассудил Кряжимский. – Хотя я согласен: этот вариант тоже надо проверить, если не оправдается первый.

На этом мы и порешили. К тому же у нас всех вызвала некоторое недоумение неожиданная простуда Инги, которая случилась в далеком поселке на краю области.

– Почему бы ей не заболеть на день раньше или позже? – язвительно поинтересовалась Марина.

– Давайте не будем раньше времени делать негативные выводы, – предупредила я. – Виктор сейчас отправится на автовокзал и выяснит, выезжала ли сегодня из Романовки гражданка Владимирцева. Насколько я знаю, на всех автобусных станциях сейчас фиксируются фамилии пассажиров, потому что в стоимость билета входит и плата за страховку от несчастных случаев. Поэтому сейчас водители почти не берут по пути безбилетных пассажиров.

– Кстати, если она значится в списках, желательно найти и свидетелей ее присутствия в данном автобусе, – напомнил Кряжимский. – Скорее всего Романовка – не стотысячный мегаполис, и многие жители, наверное, знают друг друга в лицо.

Маринка собралась было запротестовать против такого распределения ролей, но я напомнила ей, что Виктор при всей своей неразговорчивости всегда достигает цели и добывает нужные сведения любым путем. Секретарше пришлось согласиться, вспомнив горячий кофе в гостях у Владимирцевых.

– Сергей Иванович, вам тоже не придется сидеть на месте, – повернулась я к Кряжимскому. – Желательно, чтобы вы сопровождали меня к Инге Владимирцевой, которую я хочу навестить еще раз и уже сегодня. Наша задача осложняется тем, что она уже подозревает неестественную смерть мужа, вернее, не верит ни в какую болезнь сердца с самого начала, – напомнила я. – Но

все-таки желательно с ней поговорить.

Я уже приготовилась к длительной обороне, если вдруг Маринка запротестует против такого распределения ролей. Но, видимо, почувствовав металл в моем голосе, она не произнесла ни единого слова и только глубоким вздохом выдала свое разочарование. Оставляя офис закрытым мне не хотелось даже в праздничный день: как показал опыт сегодняшнего утра, враги не дремлют даже в Рождество.

Стараясь не перекладывать на плечи Сергея Ивановича все проблемы «Свидетеля», я сама набрала номер сотового Елены Кавериной. Уже через секунду она ответила на звонок, и я попросила ее о повторной аудиенции в доме Владимирцевых:

– ...Если это возможно.

– Одну минуту, – попросила она, видимо, спрашивая подругу о самочувствии. – ...Да, приезжайте.

Получив разрешение, мы не стали задерживаться и отправились каждый по своим делам. Оставляя Марине строгие указы фиксировать телефонные звонки и приход клиентов не было надобности – в наше отсутствие она выполняла свои обязанности всегда добросовестно.

Чтобы не терять времени зря, уже в машине я достала блокнот, в который незаметно от Мариночки переписала координаты ее нового кавалера Ярослава Сосновского.

– Ярослав Всеволодович? Вас беспокоят из газеты «Свидетель», – сразу же представилась я. – Можно прямо сейчас задать вам несколько вопросов?

Уже через несколько минут я получила довольно исчерпывающую информацию о жене депутата Владимирцева. «Итак, несколько замкнута, предпочитает общаться только с родственниками да двумя-тремя близкими подругами, хотя светские отношения с коллегами мужа и их женами поддерживает регулярно, – читала я свои стенографические записи. – С Еленой Кавериной дружит очень давно, наверное, со студенческих лет. Очень скромная, без малейших признаков помпезности, Инга отказалась от охраны и продолжает работать в обычной

городской школе преподавателем русского языка и литературы».

– Хм, случай небывалый в мировой практике, – усмехнулся Кряжимский, как только я ввела его в курс дела. – Обычно у депутатов либо секретарши на первом плане, либо толстые курицы, которые имеют несчастье иметь штамп в паспорте и общих детей от этих самых народных избранников.

Да, Инга действительно не вписывалась в стандартный джентльменский набор депутата: красивая, умная, она еще являлась вполне законной женой Владимирцева! Впрочем, это ни ей, ни мужу ни в коей мере не вредило.

В подъезде нас встретил тот же самый охранник, но на этот раз он не стал чинить препятствий и после формального осмотра документов быстро пропустил в квартиру нашу малочисленную на этот раз делегацию. Соседи Владимирцевых, которым неожиданно срочно понадобилось сходить за хлебом, вынести мусорное ведро, в очередной раз вывести на прогулку собаку, проводили нас любопытными взглядами.

– Добрый день, – поздоровалась я с Еленой Прекрасной и едва удержалась, чтобы не сказать вслух – несмотря на вечное женское соперничество, – какая она красивая и милая. «Чепуха какая-то, – отмахнулась я, вспомнив свои недавние размышления о ее причастности к смерти Геннадия Владимирцева. – Такая женщина просто не может быть причастна к чему-то грязному и порочному».

Вспоминая институтский курс все той же греческой мифологии, я знала, что еще в пятом веке до нашей эры мужчины научились ценить женскую красоту. И не только троянский царевич Парис, подаривший Елене яблоко с надписью «Прекраснейшая». Как раз его-то, может быть, и на свете-то никогда не было. А вот обыкновенные люди из плоти и крови были уверены, что прекрасное тело обязательно обладает красивой душой и не может заключать в себе злых помыслов.

Вообще-то я не очень-то подвержена подобным умозаключениям, которые в реальной жизни до добра не доводят, – может, у древних греков чистая душа с красивым телом и неразделимы, но у нас в Тарасове такое сплошь и рядом происходит. Впрочем, в случае с Еленой Прекрасной – Кавериной я почему-то больше доверяла собственной интуиции и... древним грекам.

– Елена Николаевна, я бы сначала хотела поговорить с вами наедине, – попросила я, не доходя до гостиной. И сразу поняла, что моя просьба хозяйку не удивила. Сдержанным жестом показав Сергею Ивановичу оставаться в комнате, я последовала за Кавериной, открывавшей передо мной дверь кухни.

– Похоже, на бедную Ингу свалилась не только смерть мужа, но и подозрение в убийстве, – усмехнулась она, предлагая мне присесть.

– С чего вы взяли? – удивилась я: было довольно странно слышать эти слова от человека, которому я еще толком и ситуацию не успела объяснить.

Впрочем, ясновидящей Каверина не была.

– Сразу после вашего ухода вернулись милиционеры, перерыли весь дом и предъявили Инге обвинение, – сообщила Елена, с трудом подбирая слова. – Конечно, на бумаге пока ничего не оформили, и я хотела ее к себе забрать на пару дней, но эти... ее под домашний арест посадили. Будто не понимают люди, что ей теперь находиться в этой квартире очень нелегко. Да она сейчас от одной только мысли о своей причастности чуть в обморок не падает! А убийца из нее совершенно никакой – чуть что, она от собственной тени шарахается!

Мне ли не понять этого – вот почему и хотелось уберечь Владимирцеву от лишних переживаний. Я и затеяла-то весь этот разговор с ее подругой, чтобышний раз не травмировать Ингу воспоминаниями пережитого сегодня ужаса, – в конце концов, не часто находишь в ванной труп собственного мужа.

Но интересно было и другое: «С какой стати правоохранные органы вдруг заинтересовались Ингой после нашего ухода?.. После нашего ухода... Ну конечно! Это же мы сами с журналистскими удостоверениями и натолкнули их на подобные мысли», – поняла я.

– Естественно, в нашей стране милиция бежит по следам репортеров, а не наоборот, – усмехнулась Елена, подтверждая мою догадку. – Конечно, я пыталась им объяснить, что именно с моей подачи Геннадий хотел встретиться с вами, но они все поняли совершенно по-другому: якобы вы уже что-то разнюхали и теперь хотите сделать сенсацию, выставив милиционеров дураками... Коими они на самом деле и являются, – совсем тихо закончила свою тираду Каверина.

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/aleshina_svetlana/a-ya-leplyu-gorbatogo

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)